
С. М. ШУМИЛО

Влияние литургической гимнографии на творчество Кирилла Туровского

Кирилл Туровский считается начинателем орнаментализма в древнерусской литературе. Его художественный стиль принципиально отличается от стиля предшественников, и об особенностях этой новой стилистики в научной литературе написано очень много.¹

Одной из ярких особенностей его произведений является обилие заимствований из богослужебных текстов. Можно ли назвать заимствование писательским приемом, и какова природа такого приема? Мы попробуем ответить на эти вопросы, рассмотрев несколько проповедей Кирилла Туровского и по мере необходимости литературный контекст, в котором они возникали.

Безусловно Кирилл Туровский не первый, кто использует богослужебный текст в качестве литературного источника для проповеди. Текстуальное родство проповеди и гимнографии в истории христианской литературы стоит рассмотреть отдельно.

Священное Писание вообще и Псалтирь в частности с древнейших времен являлись литературными источниками для любого словесного христианского произведения. Этот факт объясняется не только тем, что Библия освящена традицией, но и тем, что Псалтирь еще в ветхозаветные времена была главным богослужебным произведением, а потому именно Псалтирь формировала поэтический вкус новообращенных христиан и, заученная на память, являлась той призмой, через которую христиане воспринимали действительность.²

¹ См. например: *Чижевський Д. І.* Історія української літератури від початків до доби реалізму. Нью-Йорк, 1956. С. 136–155; *Сазонова Л. І.* Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры // ТОДРЛ. М.; Л., 1974. Т. 28. С. 30–46; *Еремін І. П.* Ораторское искусство Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 18. С. 51–58; *Кусков В. В.* История древнерусской литературы. М., 1982. С. 114–115; *Розагевская Е. Б.* Цикл молитв Кирилла Туровского: тексты и исследования. М., 1999. С. 7–85; *Лихагев Д. С.* Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб., 2001. С. 154–160 и др.

² См. об этом: *Чижевський Д. І.* Історія української літератури. С. 43–44; *Лихагев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. СПб., 2001. С. 154–160; *Пиккио Р.* *Slavia Orthodoxa.* Литература и язык. М., 2003. С. 436 и др.

Древнейшее христианское богослужение своим основанием имело Псалтирь. Как пишет И. А. Карабинов, вся древнейшая гимнография либо цитирует Псалтирь, либо компилирует цитаты из нее, либо уподобляется ей в поэтическом смысле.³ Таким образом, заимствования из Псалтири можно условно называть прообразом заимствований из гимнографии, поскольку Псалтирь обильно звучала во время богослужений и активно использовалась в качестве литературного источника.

К древнейшему периоду существования проповеди должны мы отнести ее поэтическое сходство с гимнографией и их текстуальное родство. Наиболее известные раннехристианские проповедники, на которых ориентировались писатели Древней Руси, создавали свои проповеди в поэтической манере, приближенной к гимнографической: и в богослужении, и у многих проповедников используется форма тонического стиха, одинаково и стремление гимнографов и ораторов к аллитерации, ассонансам и даже рифме. Так, на наличие ритма, рифмы и различных художественных тропов в богослужебных текстах указывают многие исследователи творчества Романа Сладкопевца,⁴ тонический стих, рифма, ассонансы и аллитерация исследованы в проповедях Евлогия,⁵ ритмичность и поэтичность присущи проповедям Иоанна Златоуста, Григория Богослова.

Нужно оговориться, что текстуальное родство проповеди и гимнографии в раннехристианский период направлено иначе, нежели в исследуемую нами эпоху Киевской Руси: древние гимнографы черпали образность из проповедей великих ораторов, т. е. проповедь питала гимнографию. Именно проповеди стали важнейшими литературными источниками Октоиха, некоторых минейных служб и очень часто — Триоди.⁶ Этот факт и обусловил единство образности и ритмики, схожесть синтаксических конструкций и общую ориентацию на Псалтирь как главный источник поэтической формы.

Если древняя гимнография ориентируется на проповедь, в частности Косьма Маюмский и Иоанн Дамаскин — на проповеди Григория Богослова и Иоанна Златоуста, то в какой-то определенный момент этот вектор становится направленным в противоположную сторону, т. е. гимнография начинает питать проповедь. К определенному времени корпус богослужебных сочинений начинает восприниматься как законченный, цельный и поэтически совершенный. Думается, это связано со временем формирования Октоиха и Триоди, т. е. с периодом, когда были окончены труды Иоанна Дамаскина, Косьмы Маюмского и Феодора Студита по упорядочению гимнографических произведений в богослужебные сборники.

Первый знаменитый проповедник Киевской Руси митрополит Иларион уже довольно широко использует заимствования из гимнографических произведений в «Слове о Законе и Благодати». Эти заимствования подробно исследованы К. К. Ацентьевым, показавшим, как митрополит Иларион

³ Карабинов И. А. Постная Триодь: Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910. С. 70–78.

⁴ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004. С. 215–225.

⁵ Карабинов И. А. Постная Триодь. С. 68–70.

⁶ См. об этом: Там же.

использует аллюзии к различным богослужебным и древним гомилетическим произведениям, в большинстве случаев — к словам и гимнам на обновление храма.⁷ Анонимный автор «Сказания, и страсти, и похвалы святым мученикам Борису и Глебу» также использует гимнографические заимствования для создания образов главных персонажей.⁸

Простое сравнение указанных произведений и слов Кирилла Туровского свидетельствует о том, что свт. Кирилл пишет в совершенно иной стилистике, нежели его предшественники, и его заимствования — это заимствования иного плана: они шире, их сложно назвать просто аллюзиями, и они отсылают нас к вполне конкретному богослужебному памятнику — Триоди.

Триодь для Кирилла Туровского — это источник стиля вообще; и не только стиля — богослужение для него и его последователей становится образцом того, как следует понимать церковные праздники и библейские события, как переносить это понимание на происходящее в современности, как искать в Библии и богослужении ориентиры для понимания действительности. Иными словами, богослужебный текст для средневекового автора — это художественный и мировоззренческий ориентир, который автор постоянно держит в голове и через призму которого он воспринимает действительность.

Мы предлагаем рассмотреть несколько слов Кирилла Туровского, начиная со Слова на неделю Вербную, и сравнить их с богослужебным триодным текстом, который, на наш взгляд, является главным литературным источником для оратора.

Начиная проповедь, туровский проповедник обращается в первую очередь не к евангельскому описанию празднуемого события, а к пророчествам о произошедшем, и лишь поразмышляв над пророческими словами, Кирилл переходит к новозаветным текстам. Сама эта очередность соответствует тому, как любой большой праздник подается в богослужебном тексте. Гимнография православных праздников никогда не предлагает молящимся в начале службы выслушать рассказ о празднуемом событии, но всегда как бы подразумевает, что слушатель/читатель уже знает о том, чему посвящен праздник, ему нужно лишь отчасти напомнить об этом. А само евангельское чтение будет предложено позже — примерно в середине утрени, и оформлено оно будет как кульминация богослужения, а не просто преподнесение информации о празднике.⁹

Кирилл Туровский начинает проповедь о Вербной неделе с воспевания Божества, а переходя непосредственно к повествованию о празднике, указывает на ветхозаветные пророчества о нем. Точно так же на вечерне всех господских праздников слушателям предлагаются паремии — отрывки из Ветхого Завета, так или иначе связанные с праздником.

⁷ Агенцьев К. К. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона Киевского: Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // *Byzantinorossica* СПб., 2005. Т. 3. С. 116–121.

⁸ Шуміло С. М. Богослужбові запозичення в житіях Бориса та Гліба // *Святі Борис і Гліб у національній культурі та суспільній думці: Досвід 1000-річної присутності в українській історії: Збірник наукових статей*. Харків, 2016 (в печати).

⁹ См.: Типикон, сиестъ изображение чина церковнаго, яже зовется Устав. М.: Синодальная типография, 1885. Л. 7.

Туровский проповедник ссылается на пророчество Захарии — одно из читаемых на службе в этот день пророчеств. Он пишет:

«Захарьино пророчество совершится, иже рече о Нем: Радуйся зело, дщи Сионова! Се бо Цесарь твой грядет кроток, всед на жребець ун».¹⁰

Из трех предложенных на праздник паремий свт. Кирилл не случайно в первую очередь вспоминает пророчество Захарии, поскольку оно является самым цитируемым в тексте богослужения, а фраза «Радуйся, дщи Сионова» становится своеобразным рефреном для службы на Вербную неделю, повторяется и варьируется несколько раз. Именно Захариино пророчество положено в основание богослужения Вербной недели: в службе, по крайней мере в первой ее половине, т. е. на малой и великой вечерне, постоянно обыгрываются первые фразы этой паремии: «Радуйся зѣло, дщи Сионя, проповѣдуй, дщи Иерусалимова, се Царь твой грядет ти, праведень и спасаи, кроток, и възсѣд на еремничя и на жребца юна. И погубит оружия изъ Ефрема, и конь из Ерусалима...».¹¹

Особенно часто цитирование пророчества Захарии встречается на вечерне:

«Радуйся и веселися, граде Сионъ, красуйся и радуися, церкви Божиа, се бо царь твой грядет въправдѣ на жребяти... Радуйся, дщи Ерусалимова, яко се царь твой грядет тебѣ, кротокъ и спасаая, и възсѣде на жребяти осли, сына яремничя...».¹²

Обыгрывание этих фраз практически прекращается в службе после чтения самого пророчества на паремиях. Кирилл Туровский также упоминает Захарию лишь в начале проповеди и далее не использует упоминание о «дщери Сионовой». Однако в середине проповеди возникает указание на другого пророка — Софонию — и также не случайно: пророчество Софонии является одним из читаемых в этот праздник на паремиях:

«Ни разумевша Софонья чтуща, писавша тако: Веселися, Иерусалиме, и уравниай путь Богу твоему, яко придет в Церковь Свою, творяй чудеса и знаменія»,¹³ — пишет Кирилл Туровский.

Цитируемый Кириллом отрывок из пророчества Софонии, так же как и отрывок из пророчества Захарии, является двойной переключкой с гимнографическим текстом: с одной стороны, это указание на паремию, а с другой — цитирование слов, неоднократно повторяющихся в службе и имеющих источником пророчество Софонии. Так, в богослужении неоднократно обыгрывается тема параллели между расстиланием одежд и ветвей перед Христом и приготовлением себя к встрече Пасхи — своеобразным выравниванием пути к Богу, о котором говорит пророк. На стихирах вечерни читаем:

«И Сему божественных дел распрострем одеяния, и таинственно Его приимем».¹⁴

«Вайя добродетелей, братия, принесем Христу, грядущему...».¹⁵

¹⁰ Кирил Туровский, еп. В неделю цветную о сказании евангельском (Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского) // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 409.

¹¹ Триодь цветная (РГБ, Ф. 301.1, собр. ТСЛ), № 399. Л. 14 об.

¹² Там же, л. 13 об.

¹³ Кирил Туровский, еп. В неделю цветную о сказании евангельском. С. 410.

¹⁴ Триодь цветная. Л. 16.

¹⁵ Там же.

Кирилл Туровский использует эту метафору, сравнивая одежды и вайи с добродетелями, которыми люди устилают путь Христа:

«Ломящей же от древа вѣтви рядницы суть и грѣшницы, иже сокрушенным сердцемъ и умилениемъ душа, постомъ же и молитвами свой путь равнающе к Богови».¹⁶

И еще одним заимствованием Кирилла Туровского из паремий к празднику является фрагмент, в котором автор вспоминает о пророчестве Иакова об Иуде, из семени которого родится Христос:

«О Нем же заповѣда Ияков сыном своим, глаголя: От племени твоего, Иудо, изидеть Владыка небесе и земли, и Тъ упование языком, привязая лозѣ жребя свое»,¹⁷ — пишет Кирилл.

Сравним с паремией праздника (Чтение Бытия):

«Иудо, тебе похвалят братия твоя <...> и Вождь от чресль его, дондеже приидуть отложена ему: и той чаяние языковъ. Привязуяй къ лозѣ жребя...».¹⁸

Развивая тему пророчеств о входе Христа в Иерусалим, Кирилл Туровский вспоминает и пророчество Давида, точнее, фрагмент одного из псалмов Давида, который проповедник называет пророчеством:

«Ни помянуша Давыда, о нем же пророчествова, глаголя: из уст младенецъ съсущих совершил еси хвалу».¹⁹

Псалтирь не является источником паремийных чтений, но этот стих из псалма взят в качестве стиха на стиховне праздничной вечерни, и Кирилл Туровский вспоминает его именно в связи с богослужебным использованием.

Иными словами, ссылаясь на Ветхий Завет, туровский проповедник использует лишь те фрагменты, которые так или иначе обыгрываются в богослужебном тексте, то есть его ссылка на пророчества является вторичной по отношению к богослужебным заимствованиям.

В проповеди на Пасху Кирилл Туровский лишь однажды ссылается на пророчество, говоря:

«Пророци же радостію ликують, глаголющее <...>: кдѣ ти, смерти, побѣда, кдѣ, ти, аде, жало».²⁰ То же самое пророчество цитирует и Иоанн Златоуст в проповеди на Пасху, которая по уставу полностью прочитывается во время пасхального богослужения.²¹

Во всех остальных проповедях пасхального цикла практически нет отсылок читателя к пророчествам и, думается, это не случайно: пророчества, на наш взгляд, лишь настолько являются источником для туровского проповедника, насколько они входят в состав соответствующей службы, а если на какой-то праздник не положено чтение паремии — свт. Кирилл опускает эту составляющую и в проповеди. Звучание одного пророчества в Слове на Пасху обусловлено не наличием паремии на этот день — на Пасхальное бо-

¹⁶ Кирилл Туровский, *еп.* В неделю цветную о сказании евангельском. С. 410.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Триодь цветная. Л. 14.

¹⁹ Кирилл Туровский, *еп.* В неделю цветную о сказании евангельском. С. 410.

²⁰ Кирилл Туровский, *еп.* В неделю цветную о сказании евангельском. С. 412.

²¹ Типикон. Л. 462.

гослужение не полагаются паремии, — но цитированием выбранных пророческих стихов в читаемой на Пасху проповеди Иоанна Златоуста.

Помимо указанных опосредованных отсылок к богослужебному тексту, в проповедях есть и непосредственные заимствования. Прежде всего, это реминисценции из праздничных стихир.

Так, в проповеди на Вербную неделю, когда Кирилл Туровский после цитирования Захарииного пророчества как бы размышляет над его метафорическим значением, толкуя сюжет восседания Христа на осленке как образ приведения ко Христу языческих народов, он заимствует эту метафору и ее толкование из стихир, исполняемой на утрени после чтения Евангелия. Проповедник пишет:

«Душа бо святых дщери горняго Ерусалима нарицаются; жребя же — иже от язык вѣровавше вонь людье...».²²

Сравним со стихирой:

«Днесь Хрисось входить во градъ Вифанию, на жребяти сѣдѣи, безсловесие разрѣшающая языкъ злѣйшее, древлесвирѣпѣющее».²³

Та же тема развивается в стихире на стиховне:

«Стропотное языков сѣдалище жребца прообразоваше, из невѣрия в вѣру претворяемое...».²⁴

Затронутые в службе не один раз, метафоры «осленок — упрямые языческие народы», «восседание Христа на осленке — приведение народов к вере» становятся запоминающимися и такими, которые сами собой возникают в сознании при чтении о входе Господнем в Иерусалим. Потому проповедник, опуская и не пересказывая всем известное Евангельское чтение, лишь напоминает своим слушателям об этой метафоре.

Таким образом, автор соотносит порядок исполнения стихир в храме с порядком заимствования стихов в торжественном слове и тем самым уподобляет свое произведение богослужебному тексту.

Заимствования из стихир являются наиболее частыми в Слове Кирилла Туровского на Пасху. Так, он пишет: «Вкусимъ, братие, животного брашна, и другъ друга любовию целуемъ, прашающе сердце своих прегрѣшения».²⁵ Сравним с пасхальной стихирой: «Воскресения день, и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обимемъ. Рцемъ, братие, и ненавидящимъ нас простимъ вся воскресениемъ...».²⁶ Эту стихир, которая исполняется дважды в день в течение всей пасхальной недели и затем каждое воскресенье до праздника пятидесятницы, реципиент мог легко узнать в тексте проповеди, она должна была вызывать ассоциации с радостным пасхальным богослужением. Несколькими строками ниже Кирилл Туровский снова вводит в проповедь богослужебный текст: «Приидѣте от видѣния жены благовѣстница и Сиону рѣчѣте: приими отъ нас радость благовѣщения...».²⁷ Сравним

²² Кирил Туровский, *еп.* В неделю цветную о сказании евангельском. С. 409.

²³ Триодь цветная. Л. 14.

²⁴ Там же.

²⁵ Кирил Туровский, *еп.* На святую Пасху // Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. С. 413.

²⁶ Триодь цветная. Л. 103 об.

²⁷ Кирил Туровский, *еп.* На святую Пасху. С. 413.

с пасхальной стихирой: «Придите от видения жены благовестницы и Сиону рцйте: приими от нас радость благовещения воскресения Христова...».²⁸ Далее встречаем еще две цитаты из того же цикла стихир, но тут Кирилл использует уже не сами стихиры, а стихи, что их перемежают, которые, по уставу, должен провозглашать священник: «Да възскръ̑снетъ Богъ и расточатся врази Его».²⁹ Этот стих из псалма внутри пасхальной проповеди наряду с другими цитатами из богослужения, скорее всего, был призван отсылать реципиента не столько к Псалтири, сколько к службе на Пасху. Тем более что в конце проповеди Кирилл Туровский приводит еще одну строку из того же цикла стихир, в частности, завершающий стих: «Сей день, иже сътвори Господь, възрадуемъ и възвеселимъ вонь».³⁰ Сравним со стихом из богослужения: «Сей день, егоже сотвори Господь, възрадуемъ и възвеселимъ вонь».³¹ Цитируемые Кириллом стихиры, так называемые «хвалитны», являются практически последним большим вокальным периодом пасхального богослужения, они как бы завершают службу — после них есть лишь несколько уставных песнопений и возгласов, которые традиционно повторяются изо дня в день и не относятся к специфически пасхальному богослужению. Кирилл Туровский будто проводит параллель между богослужением и проповедью и также завершает на этих стихах свое произведение, приписывая после указанной цитаты только традиционное завершение проповеди: «яко Твое есть царство, и Твое, Христе, держава, съ Отцемъ и съ пресвятымъ, благымъ и животворящим Ти Духомъ, и ныне, и присно».³²

Проповедь на снятие Тела Христова с Креста практически полностью построена как компиляция тех или иных фрагментов стихир соответствующего богослужебного текста. Слово настолько пронизано цитатами и реминисценциями из гимнов, что, кажется, задача писателя лишь в соединении различных отрывков в единый текст, и авторская речь только обрамляет гармоничную мозаику цитат. Особенного внимания заслуживает характер цитирования. Кирилл Туровский, как правило, не дословно приводит богослужебный текст: он либо близко пересказывает его, либо изменяет в нем несколько слов, либо соединяет и переплетает между собой отрывки из двух, а то и трех разных текстов. Кроме того, автор нередко вставляет внутрь цитаты свои слова, т. е. расширяет цитируемый текст с помощью приема амплификации. Так, например, описывая плач Иосифа Аримафейского в Слове, Кирилл цитирует несколько богослужебных текстов. За основу автор берет одну из стихир Страстной Пятницы и, приводя отрывки из этой стихир, вставляет внутрь каждого отрывка либо свои слова, либо цитаты из других гимнографических произведений. При этом стилистически весь плач у Кирилла уподоблен взятой за основу страстной стихире, о чем говорит использование приема анафоры. В итоге этот период в тексте оратора представляет собой сложнейшую мозаику из богослужебных текстов и собственных слов автора.

²⁸ Триодь цветная. Л. 103 об.

²⁹ Кирил Туровский, еп. На святую Пасху. С. 413.

³⁰ Там же. С. 414.

³¹ Триодь цветная. Л. 103 об.

³² Кирил Туровский, еп. На святую Пасху. С. 414.

Слово Кирилла

Како пречистемь прикоснуса теле Твоемь, неприкосновьнью Ти сущу небесным силам, служащимъ Ти страшно!

Кацеми же плащаницами обию Тя, повивающаго мъглою землю и небо облакы покрывающаго!

Или **какы** воняя възлею на Твое святое тело, Емуже дары съ вонями пьрсъстии принесъше цесари, яко Богу поклоняхуся, преобразующе Твое за весь мѣр умершвление!

Кыя ли надгробныя песни исходу Твоему възпою, Емужевъ вышних немолчъными гласы Серафими поють!..³³

Как будто не удовлетворяясь теми скорбными восклицаниями, которые отражены в песнопении, Кирилл добавляет к ним новые восклицания и тем самым, во-первых, усиливает описание плачевного настроения Иосифа, а во-вторых, задает всему торжественному слову ритм церковного молитвословия.

Несколько иначе построено Слово на неделю о расслабленном: здесь Кирилл Туровский всю проповедь строит вокруг одного-единственного заимствования из богослужебного текста, но оно является основой проповеди, главная мысль передана именно в нем, и проповедник, приводя небольшую цитату, далее все Слово посвящает расширению ее при помощи приема амплификации.

В этом проповедник следует главному методу составления богослужебных текстов: расширению евангельского повествования через дополнение диалогов и добавления эмоциональной окраски. Так, если в Евангелии речь расслабленного передана двумя-тремя краткими предложениями, то в богослужении³⁵ она представляет собой пространный рассказ о злоключениях несчастного. В передаче же святителя Кирилла это уже не просто рассказ, а целая повесть о расслабленном и его печальной судьбе, а также — и это важно для проповедника — о домостроительстве Божиим. Сравним эти три текста.

Евангелие от Иоанна (5: 5–8)

«Бѣ же ту нѣкїй челоувѣкъ, тридесять и ѡсмь лѣтъ имѣй въ недѣзѣ [своемъ].

Сего видѣвъ Иисусъ лежаша, и разумѣвъ, яко многа лѣта уже имяше [въ недѣзѣ], глагола ему: хощеши ли цѣль быти?»

³³ Кирил Туровский, еп. Слово о снятии Тела Христова с Креста // Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. С. 420–421.

³⁴ Триодъ цветная. Л. 50–51.

³⁵ См., например, вечерню и утреню 4-й недели по Пасхе: Триодъ цветная, л. 167–175.

Отвѣща ему недужный: ей, Господи, человекка не имамъ, да, егда возмутится вода, ввержетъ мя въ купѣль: егда же прихождѹ азъ, инъ прѣжде менѣ слазить.

Глагола ему Исусъ: востани, возми одръ твой, и ходи».

Служба четвертой недели по Пасхе варьирует этот краткий диалог, при этом влагая в уста расслабленного не только скупую жалобу на немощ и безысходность, но и намек на высоко духовные устремления:

«Непогребенъ мертвецъ съи расслабленный, видевъ тя возопи: помилуй мя Господи, “яко одръ мой гробъ мнѣ бысть. что ми приобрѣтеніе живота; не требую овчїи купѣли: не имамъ бо никогоже влагающа мя, возмущающимся водамъ: но Тебѣ источнику прихождѹ исцѣлений, да и азъ со всѣми вопою: всеильне Господи, слава тебѣ”».³⁶

Таким образом, расслабленный в приведенной стихире уже не просто лежит при чудотворной купели, ожидая, что кто-то поможет ему, а ожидает Христа. Эта тема не звучит в Евангелии так явно, и варьирующая евангельский текст стихира углубляет и открывает ее скрытый смысл — в этом и заключается один из главных художественных методов богослужебного творчества. Он роднит литургические тексты с проповедническими, поскольку подразумевает некоторое толкование евангельских событий.

Кирилл Туровский, как и его знаменитые предшественники, Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов (преемственность от которого отмечает М. Ф. Антонова у Кирилла Туровского), наследует этот литургический прием и продолжает толковать евангельские события, опираясь на службу соответствующей недели. Так, едва начав пересказ Евангелия от Иоанна, святитель Кирилл частично цитирует отдельные фрагменты службы, в частности, приведенную нами стихире. О расслабленном он пишет именно словами стихир:

«Непогребенъ мрътвецъ разумѣю ся... и одр сеи гробъ ми есть».³⁷

При этом Кирилл не останавливается на кратком описании злоключений расслабленного, а живописует их достаточно ярко, чтобы вызвать искреннее сочувствие слушателей и читателей: расслабленный жалуется Христу и на насмешки, и на голод и жажду, потому что некому его покормить, некому обвязать раны, а он не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Тема «живого мертвеца», едва замерцавшая в вечерней стихире, раскрывается у проповедника в целую повесть, полную ужаса и сострадания.

Если богослужение расширяет евангельский текст, то проповедь о расслабленном расширяет соответствующее богослужебное произведение. Пристального внимания Кирилла Туровского заслуживает одна из стихир Службы на 4-ю неделю, которая построена на интересной символической метафоре. На жалобу расслабленного, что он не имеет человека, который вложил бы его в купель, Христос отвечает, что Он и есть тот Человек, Он стал Человеком именно для этого. Эта тема звучит в службе лишь однажды, далее ни разу не повторяется и не развивается. При беглом прочтении или невнимательном слушании службы символическое толкование слова «Человек», в данном случае обозначающее Богочеловека, а также указание

³⁶ Триодъ цветная. Л. 167.

³⁷ Слово в неделю четвертую по Пасце о расслабленном Кирилла Туровского // Сборник торжественных слов (РНБ, Погодинское собр., № 952, л. 270).

на промыслительность событий, легко может ускользнуть от реципиента. Приведем текст исследуемой стихирь:

«На овчей купѣли челоуѣкъ лежаше въ немощи, и видѣвъ тя, Господи, и вопіаше: челоуѣка не имамъ, да егда возмутится вода, ввержетъ мя въ ню: егда же прихожду, инъ предваряетъ мя, и приѣмлетъ исцѣленіе, азъ же немощствуйаю лежу. И абіе умилосердився Спасъ глаголетъ къ нему: тебе ради челоуѣкъ бѣхъ, тебе ради въ плоть облекохся, и глаголеши: челоуѣка не имамъ. Возми одръ твой и ходи. Вся тебѣ возможна, вся послушаютъ, вся повинуются: всѣхъ насъ помяни, и помилуй, святый, “яко челоуѣколюбець”».³⁸

Эта однажды упоминаемая в богослужении мысль о том, кем должен оказаться тот единственный Человек, которого столь долго ожидает расслабленный, становится едва ли не центральной для проповеди Кирилла Туровского. Он не просто неоднократно упоминает ее, но развивает и делает кульминацией своего Слова.

К символическому значению слова «Человек», переданному богослужением, проповедник подходит издалека. Фраза расслабленного «человека не имамъ» превращается у святителя Кирилла в долгую историю о падении человечества, которая начинается с описания обычной, можно сказать, бытовой стороны дела: расслабленный жалуется, что не имеет денег, чтобы оплатить труд такого человека и т. д.³⁹ Постепенно эти жалобы на неимение человека обретают более возвышенный смысл: у расслабленного не просто нет денег, но и имени нет, однако, речь идет не о материальной нищете, а о духовной: «яко злѣ расточихъ данное ми в Раи богатство». С этого момента расслабленный повествует о своем недуге уже не как о физическом и описывает свою нищету, изодранные грязные одежды и немощь как результат грехопадения: «...и зміемъ во Едемѣ украдена ми есть чистоты одежда. И zde лежу нагъ, Божіа покрова не имамъ».⁴⁰

Жалобы на отсутствие человека также становятся жалобами на жалкое состояние современного человечества и отсутствие праведника: человека нет, говорит расслабленный, потому что Енох и Илия ушли на небо, Авраам и Иаков умерли, Моисей, хотя и был праведен, но оказался недостойным видеть обетованную землю, Соломон погиб, «прельстився женами». «Челоуѣка не имамъ, вѣрна ко Богу, — заключает расслабленный. — Все уклонишася и неключими быша, несть творяшаго благо, несть до единого».⁴¹ Отметим, между прочим, что эти размышления расслабленного заканчиваются легко узнаваемой цитатой из второй кафизмы, которая положена на воскресной утрени, что еще более подчеркивает связь проповеди с воскресным богослужением.

Итак, проповедник медленно подводит слушателя к теме Богочеловека, предваряя ее рассуждениями расслабленного, болезнь которого видится теперь уже не только в физическом смысле, но и в духовном, а отсутствие человека — это следствие постепенного обеднения святости в челове-

³⁸ Триодъ цветная. Л. 168.

³⁹ Слово в неделю четвертую по Пасце о расслабленном Кирилла Туровского, л. 271.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 271 об.

ской сущности и во всем человечестве вообще. Следовательно, для исцеления расслабленного нужно не только погружение в купель, но нечто большее, и это большее провозглашает Христос в стихире праздника:

«Тебе ради человекъкъ быхъ, тебе ради в плоть облекохся, и глаголеши: человекъка не имамъ: возми одръ твой и ходи».⁴²

В стихире в словах Христа звучит тонкое замечание — это повтор фразы «и глаголеши: человекъка не имамъ». Произнося ее дважды, Христос, по замыслу гимнографа, как бы указывает расслабленному на то, что Человек с большой буквы стоит перед тобой сейчас, то, чего ты ожидал, сбылось, не сетуй более на отсутствие человека. На этом гимнограф останавливается и не развивает далее эту мысль, не раскрывает ее символическое содержание.

Кирилл Туровский, напротив, останавливается на ней. В проповеди Христос повторяет фразу «глаголеши: человекъка не имамъ» много раз, она становится своеобразным рефреном в его монологе, который похож отчасти на песнопение, отчасти на псалом по своему оформлению:

«Глаголеши: человекъка не имамъ. Азь быхъ человекъкъ, да Богомъ человекъка сотворю, азь тебе ради бесплотенъ бысть, и плотию обложенъ быхъ, азь тебе ради человекъкъ быхъ щедръ и милостивъ, и глаголеши: человекъка не имамъ...».⁴³

Ответ Христа при помощи приема амплификации разворачивается в пространную богословскую проповедь:

«Слышал бо еси пророка глаголюща: Яко отроча родиться, сын вышняго, и дан бысть нам, и ть болѣзни и недугы наша понесет. Тебе ради горьняго царства скипетры оставль, нижьним служа обѣхожу; не придохъ бо, да ми послужать, нъ да послужю...».⁴⁴

В этом ответе-проповеди проповедник окончательно переносит акцент с физической болезни расслабленного на духовную болезнь всего человечества, для исцеления которой и пришел Мессия. Самого Христа в проповеди автор называет «Благый нашъ врачъ»:⁴⁵

«...Тебе ради, бесплотен сы, плътию обложихъся, да всѣхъ душевныя и телесныя недугы исцѣлю. Тебе ради, невидим сы ангельскимъ силам, всѣмъ человекъкомъ явихъся; не хощу бо моего образа в тлѣнии презрѣти лежаща, нъ хощу и спасти и в разум истинный привести...».⁴⁶

Процесс богопознания, происходящий как взаимное сближение человека и Бога, также отражен в этом, расширенном амплификацией ответе Христа:

«Азъ быхъ человекъкъ, да богомъ человекъка сътворю, рѣхъ бо: Бози будутъ и сынове вышняго вси...».⁴⁷

Феномен обожения раскрывается через пространный рассказ о сотворении мира ради человека:

⁴² Триодъ цветная. Л. 168.

⁴³ Слово в неделю четвертую по Пасце о расслабленном Кирилла Туровского. Л. 272.

⁴⁴ Там же. Л. 271 об.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 272.

⁴⁷ Там же.

«Тобѣ всю тварь на работу створи, небо и земля тобѣ служита: оно влагою. А си плодомь. Тебе ради солнце свѣтомь и теплою служить, и луна съ звѣздами ночь обѣляет. Тебе дѣля облаци дѣждьмь землю напають, и земля всяку траву сѣмениту и дрѣва плодовая на твою службу въздрацаеть...».⁴⁸

Так, при помощи амплификации Кирилл Туровский превращает заимствованную из вечерни стихирю в проповедь с глубоким богословским содержанием. Весь этот пространственный ответ-проповедь занимает не одну страницу рукописи.

Конец указанной стихиря также отзывается в проповеди святителя Кирилла, но и тут проповедник наполняет исходный текст новым содержанием. Стихира оканчивается торжественным обращением ко Христу и традиционным конечным прошением о милости:

«Вся тебѣ возможна, вся послушаютъ, вся повинуются: всѣхъ насъ помяни, и помилуй, святыи, яко человекѣколюбець».⁴⁹

Чаще всего оратор заимствует из стихир — самых лиричных и музыкальных частей богослужебного произведения. Стихиры также нередко являются ритмообразующим источником для автора, поскольку они, будучи предназначенными для музыкального исполнения, имеют довольно четкую синтаксическую структуру. Перенимая их, проповедники задают определенный ритм проповеди, воспринимая его из гимнографии, а она в свою очередь — из Псалтири, и потому гомилетические произведения не только ритмичны, но отчасти и музыкальны.

Проповеди Кирилла Туровского не обязательно ориентированы на какое-то одно гимнографическое произведение как источник, в одном и том же Слове автор может заимствовать из разных служб, если это оправдано смыслом. Так, весь пасхальный цикл проповедей туровского проповедника так или иначе связан со страстным или пасхальным богослужением.

Заимствования из богослужебных текстов можно назвать самой яркой чертой стиля «плетение словес». Мы найдем эту черту и в афоно-сербской исихастской литературе (а «плетение словес», как правило, возникает там, где актуализируется учение исихазма), и практически у всех восточнославянских книжников. Кто был учителем этого приема? Что явилось литературным источником самой этой манеры письма, при которой автор постоянно заставляет работать ассоциативную память читателя/слушателя и все время ориентирует его на богослужение, на молитву? На наш взгляд, главным источником этого приема можно назвать сами богослужебные тексты, их генетическую связь с проповедью, которая прослеживается с древнейших времен.

Писательская манера Кирилла Туровского имела благодарных подражателей и последователей. Обилие заимствований обнаруживается в произведениях Феодосия Сербского,⁵⁰ и у Григория Цамблака (ср. его проповедь

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Триодь цветная. Л. 168.

⁵⁰ Шумило С. М. К проблеме влияния исихазма на витиеватый стиль афоно-сербской и русской средневековой агиографии // Афонська спадщина: Альманах. Київ; Чернігів: Видання міжнародного інституту афонської спадщини в Україні, 2015. С. 270–279.

на Вербное воскресенье с проповедью Кирилла Туровского),⁵¹ и у Епифания Премудрого.⁵² Можно сказать, что орнаментализм задал тон всей позднесредневековой литературе и внес в нее один из интереснейших литературных приемов — гимнографические заимствования, ритмичные, метафорические и символические по своей природе. Тем не менее мы должны признать, что после Кирилла Туровского богослужебные заимствования перестают быть основой проповеди — они используются последователями, во-первых, только как один из художественных тропов (так, проповеди Григория Цамблака во многом построены по тому же принципу, что и Слово о расслабленном Кирилла Туровского: автор выбирает одну цитату из богослужения и, развивая ее, размышляя над ней, пишет проповедь), либо за границами жанра проповеди — в агиографии. Тем самым, писатели переносят основные гимнографические принципы, имеющие основанием Псалтирь и проповеди древнейших ораторов, в произведения других жанров.

⁵¹ Шумило С. М. Заимствования из богослужебных текстов в проповедях Григория Цамблака // РЛ (в печати).

⁵² *Shumilo S.* The system of divine service quotations in the Life of Stephen of Perm // *Scrinium: Journal of Patrology, Critical Hagiography and Ecclesiastical History*. Т. 7–8: *Ars Christiana*. In memoriam Michail F. Murianov (21.XI.1928–6.VI.1995). Piscataway; New Jersey: Gorgias Press, 2011–2012. P. 195–216.